

ПЕСОК ПОД
ПАЛЬЦАМИ

Мистер Завтрак

Песок под пальцами

<https://litres.ru/74223253>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Песок под пальцами» — сказка о хрупкости и силе.

В городе Шепчущий Уступ время начинает спотыкаться: в камнях и стенах появляются холодные трещины, а привычный ритм жизни всё чаще сбивается. Асенька слышит этот надлом — её босые ступни чувствуют вибрации земли, а тихие ритуалы бережности помогают сохранять внутренний покой. Она связана с сетью древних сундуков, удерживающих течение времени, и постепенно горожане замечают: её нежность к себе — не странность, а особая магия, способная укреплять мир.

История показывает, как простое умение замедлиться, прислушаться и поблагодарить себя за старание становится настоящей силой. Красота здесь — не в безупречности, а в ценности каждого пройденного шага, каждого шрама и каждой неровной линии. Это рассказ о том, что забота о себе может стать заботой обо всём мире.

Содержание

Пролог	4
День, когда мир задрожал	9
Между временами: уроки тишины	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мистер Завтрак

Песок под пальцами

Пролог

Город-призрак Шепчущий Уступ стоял на краю мира, там, где скалы врезались в море, а ветер носил голоса давно умерших. Над городом висела пелена серого тумана, и даже солнце казалось бледным пятном, едва пробивающимся сквозь него. Туман стелился по улицам, как шёлковая вуаль, приглушая краски и делая всё вокруг немного нереальным — словно город существовал не совсем в этом времени и не совсем в этом мире.

В этом городе жила Асенька — шестнадцатилетняя рыжая эльфийка, чья красота была почти болезненной: тонкие черты лица, глаза цвета янтаря, кожа, словно сотканная из лунного света. Но при этом она вечно что-то роняла, забывала, спотыкалась о собственные ноги и смотрела на мир так, будто он был слишком сложным для понимания. И всё же в этой её неловкости было что-то трогательное, почти чарующее: она двигалась, как будто танцевала, даже когда просто шла по улице.

И ещё она была постоянно босой.

Никто в Шепчущем Уступе не ходил босиком. Камни были острыми, улицы — грязными, а холод пробирал до костей. Но Асенька не носила обуви никогда. Она говорила, что чувствует мир только ступнями. Что через подошвы к ней приходят шёпоты прошлого и отголоски будущего. Что камни рассказывают ей истории, если слушать правильно.

Для Асеньки её босые ступни были не просто частью тела — они были её связью с миром, её способом чувствовать его по-настоящему. Она любила их с какой-то почти поэтической нежностью. Когда она сидела на крыльце своего маленького дома, она подолгу рассматривала свои ступни, изучая линии и изгибы, как изучают карту далёкой страны. Ей казалось, что каждая морщинка, каждый маленький шрам — это след какого-то важного события, даже если она сама его не помнила.

— Вы такие красивые, — шептала она своим ногам, будто разговаривала с давними друзьями. — Вы знаете столько всего, чего я не помню. Вы помните, как я впервые увидела море. Вы помните, как я испугалась грозы и бежала по мокрой траве. Вы всё помните.

Иногда ей казалось, что её ступни — это её настоящие глаза, и именно ими она видит мир глубже, чем глазами.

А ещё она любила вибрации.

Когда по городу проходил грузовой караван, она прижималась ступнями к мостовой и улыбалась, закрывая глаза. Когда в порту ударяли колокола, она вздрагивала от удовольствия. Когда дрожали стены старых домов, она шептала: «Они поют». Для неё весь мир был наполнен музыкой, которую никто больше не слышал. И эта музыка была её личным секретом, её тайной радостью.

Но больше всего она любила своё отражение.

Каждое утро Асенька подходила к серебряному зеркалу, которое висело над треснувшим умывальником, и смотрела на себя так, словно видела кого-то бесконечно важного. В её взгляде не было тщеславия — скорее, это было восхищение, почти благоговение перед тем, что она вообще существует.

Она не просто любовалась собой — она училась любить себя, день за днём, шаг за шагом.

— Ты такая красивая, — говорила она своему отражению, проводя пальцем по стеклу, как будто гладила саму себя. —

Даже когда ты всё роняешь и путаешь. Даже когда ты забываешь, куда положила ключ, и стоишь посреди комнаты, не понимая, зачем сюда пришла. Ты всё равно красивая. Ты настоящая.

Иногда она спорила с отражением. Иногда просила совета. Иногда просто рассказывала ему о своих мечтах.

— А вдруг я когда-нибудь найду место, где все ходят босиком? — шептала она. — Где никто не будет смеяться над тем, что я люблю вибрации и разговариваю со своими ногами. Где меня будут понимать.

Отражение улыбалось ей в ответ. Или, по крайней мере, ей так казалось.

— Ты уже нашла такое место, — отвечало оно тихо, почти шёпотом. — Ты нашла его в себе.

Эти слова согревали её больше, чем любое одеяло. Они напоминали ей, что даже если весь мир кажется холодным и чужим, у неё всегда есть она сама. И этого достаточно.

Однажды утром, когда туман был особенно густым и город казался почти невидимым, Асенька стояла перед зеркалом и вдруг заметила, что отражение смотрит на неё чуть

серьёзное, чем обычно.

— Сегодня будет особенный день, — сказало оно голосом, который был похож на её собственный, но глубже, тяжелее. — Ты почувствуешь что-то новое. Что-то, что изменит всё.

Асенька нахмурилась, но не испугалась. Она привыкла доверять своему отражению.

— А это хорошее изменение? — спросила она, слегка наклонив голову.

— Оно необходимое, — ответило отражение. — И ты справишься. Потому что ты умеешь чувствовать мир. И потому что ты умеешь любить себя. А это самое главное.

Асенька улыбнулась.

— Тогда я готова, — сказала она, расправив плечи и глядя на себя с новой уверенностью.

День только начинался.

День, когда мир задрожал

Асенька проснулась не от крика чаек и не от скрипа рассохшихся ставней — она проснулась от вибрации.

Такого раньше не случалось. Обычно вибрации приходили позже: с первым караваном, с ударом колокола, с порывом ветра, который заставлял дрожать старые рамы. Но сегодня дрожь пришла прямо в сон. Она пробралась сквозь туман сновидений, сквозь образы танцующих волн и летающих рыб, и мягко, но настойчиво постучала в сознание: «Просыпайся. Сейчас важно».

Асенька открыла глаза и тут же улыбнулась. Не потому, что увидела что-то особенно хорошее, а потому, что почувствовала: мир сегодня поёт громче обычного.

Она села на кровати, потянулась, зевнула — и тут же уронила подушку. Та упала с глухим стуком, и Асенька рассмеялась над собой:

— Ну вот, опять. Даже проснуться нормально не могу. Но зато послушай...

Она не договаривала, к кому обращалась — то ли к комнате, то ли к самой себе, то ли к своим ступням, которые уже тянулись к полу, будто сами знали, что сейчас важнее всего — коснуться земли.

Как только подошвы коснулись досок, вибрация стала чётче. Это была не просто дрожь — это был ритм. Будто где-то далеко били в огромный барабан, и пол передавал этот звук прямо в кости.

Асенька замерла, закрыла глаза и прислушалась.

— Ты слышишь? — прошептала она, хотя в комнате никого не было. — Он поёт. Прямо сквозь доски.

Ей не нужен был ответ. Её собственные ступни были ответом. Они чувствовали каждую неровность пола, каждую трещину в доске, каждый узел дерева. Для Асеньки это было как читать книгу, только не глазами, а кожей. И сегодня книга кричала.

Она встала, прошлась по комнате, стараясь не задевать разбросанные вещи — но всё равно задела. Ваза с сухими цветами покачнулась, но Асенька успела поймать её, хоть и неловко, обеими руками, чуть не уронив саму себя.

— Вот видишь, — пробормотала она, ставя вазу обратно и улыбаясь своим ногам. — Мы неуклюжие, но мы стараемся. И мы чувствуем.

Потом она подошла к зеркалу.

Серебряная поверхность слегка потемнела от времени, по краю шла тонкая паутинка трещин, но отражение в нём оставалось удивительно чётким. Асенька посмотрела на себя и вдруг остановилась, не от красоты — а от того, как в её глазах сегодня плясало что-то новое. Не просто любопытство, не просто радость от утренней вибрации, а что-то более глубокое, почти тревожное.

— Что-то будет, — сказала она отражению, чуть наклонив голову. — Ты ведь тоже чувствуешь, да?

Отражение не отвечало словами. Но в нём мелькнуло едва уловимое движение — будто тень улыбки стала чуть серьёзнее.

— Не бойся, — прошептала Асенька, сама не зная, кого она сейчас утешает — себя или своё отражение. — Мы ведь всегда вместе. И если мир сегодня дрожит сильнее, значит, он хочет нам что-то сказать.

Она провела пальцем по стеклу, словно погладила саму себя, и улыбнулась:

— Даже если я всё уроню и всё перепутаю, я всё равно здесь. И я всё равно слушаю.

С этими словами она вышла из дома.

Утро в Шепчущем Уступе было серым, но не холодным. Туман, который обычно стелился по улицам, сегодня будто поднялся выше, открыв небо — бледное, но чистое, с тонкими прожилками облаков, похожими на следы от пальцев. Воздух пах солью, мокрым камнем и чем-то ещё, едва уловимым, как запах старой магии.

Асенька шла босиком по булыжникам, и каждый шаг отзывался в ней новой нотой. Камни были холодными, острыми в некоторых местах, но она не замечала боли — она слушала.

Сегодня город звучал иначе.

Раньше вибрации были разрозненными: стук колёс, скрип дверей, крик торговца, плеск воды. Они смешивались в хаотичную мелодию, которую Асенька любила, но не всегда могла разобрать. А сегодня сквозь этот шум пробивался один

главный ритм — глубокий, ровный, настойчивый. Он шёл откуда-то снизу, из-под земли, и становился всё громче.

Она остановилась на перекрёстке, закрыла глаза и прижалась ступнями к камням.

— Где ты? — прошептала она, обращаясь к вибрации, как к живому существу. — Что ты хочешь мне сказать?

Ветер ответил шёпотом, который она почти поняла.

К полудню слухи поползли по улицам. Люди говорили шёпотом, оглядываясь по сторонам, будто боялись, что стены их подслушают.

— В катакомбах что-то гудит...

— Старый механизм...

— Говорят, он был здесь ещё до основания города...

— Он просыпается...

Асенька слушала эти разговоры, но не с тревогой, а с предвкушением. Для неё «гудит» означало «поёт», а «просыпается» — значит, хочет поговорить.

Она шла по улицам, и люди расступались перед ней, кто-то кивал, кто-то отводил взгляд. Все знали Асеньку: стран-

ную рыжую эльфийку, которая вечно ходит босиком, прижимается ступнями к мостовой и улыбается, когда остальные хмурятся. Кто-то считал её чудачкой, кто-то — почти святой, будто её неуклюжесть была маской для какой-то великой мудрости. Асенька не знала, кто из них прав. Ей было достаточно того, что она чувствует мир.

И сегодня мир кричал.

Она направилась к окраине города, к заброшенному дому, который давно обходили стороной. Дом стоял на краю обрыва, и ветер здесь был особенно сильным, будто пытался сдуть его в море. Окна были выбиты, двери сорваны с петель, а внутри пахло пылью, сыростью и чем-то древним, что не должно было просыпаться.

В подвале этого дома стоял сундук.

Тяжёлый, потемневший от времени, с железными обручами и замком, который давно рассыпался в пыль. Никто не знал, что в нём было раньше. Говорили, что туда складывали проклятые вещи. Говорили, что сундук шепчет по ночам. Асенька никогда не верила в проклятия. Она верила в вибрации.

Когда она спустилась в подвал, воздух стал гуще, тяжелее.

Вибрация здесь была не просто слышна — она ощущалась всем телом. Сундук стоял в углу, и дерево слегка подрагивало, будто живое.

Асенька подошла к нему, присела на корточки и провела пальцами по дереву. Оно было холодным, но под холодом чувствовалось тепло — как будто внутри горел тихий огонь.

— Ты меня ждёшь, — прошептала она.

Сундук не ответил словами. Но он дрожал, как натянутая тетива, и эта дрожь отзывалась в её ступнях, поднималась по ногам, разливалась по всему телу, собираясь где-то в груди, в самом центре.

Асенька улыбнулась.

— Я тебя слышу, — сказала она. — И я готова.

Не задумываясь, она открыла крышку и залезла внутрь.

Мир исчез.

Но прежде чем темнота сомкнулась вокруг неё, Асенька успела подумать: «Интересно, что я увижу на этот раз?» — и в этой мысли не было страха. Только любопытство и тихая

уверенность: что бы ни ждало её по ту сторону, она справится. Потому что она умеет слушать. И потому что она умеет любить себя — даже когда всё роняет и путает.

Между временами: уроки тишины

Когда темнота сомкнулась вокруг Асеньки, она не испугалась. Страх был ей знаком — он приходил по ночам, когда ветер выл в щелях ставен, а тени на стенах шевелились, будто хотели что-то сказать. Но сейчас страха не было. Вместо него внутри разливалось то самое предвкушение, которое она чувствовала, когда море начинало шептать особенно громко, а камни под ступнями вибрировали так, что хотелось рассмеяться от радости.

А потом темнота расступилась.

Асенька открыла глаза и поняла: она не в Шепчущем Уступе.

Город был другим. Дома стояли ровными рядами, крыши были покрыты яркой черепицей, а улицы вымощены не булыжником, а гладкими плитами, от которых шёл лёгкий перламутровый отблеск. По этим плитам ходили люди в одеждах из тонкой ткани, переливающейся на свету, будто крылья стрекозы. Они не спешили, не кричали, не оглядывались с подозрением. Они просто шли, и в их движениях чувствовалась спокойная уверенность.

Это был Шепчущий Уступ, но много лет назад — до того, как он стал городом-призраком. До того, как туман поглотил краски, а ветер начал носить голоса умерших.

Асенька присела на корточки и прижала ладони к гладкой плите. Вибрация здесь была совсем другой — не рваной, не тревожной, как в её времени, а ровной, глубокой, словно дыхание огромного спящего существа.

— Ты такой спокойный, — прошептала она, обращаясь к земле, как к старому другу. — Расскажи мне, каким ты был, когда всё было хорошо.

Плита не ответила словами, но ответила ритмом. Он тёк сквозь ладони, поднимался по рукам, разливался по груди и шептал: «Здесь было счастье. Здесь умели слушать».

Асенька улыбнулась. Ей захотелось запомнить это ощущение, чтобы потом, вернувшись в свой серый, дрожащий от тревог город, снова его почувствовать. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, стараясь удержать этот ритм внутри себя, как держат в ладонях редкий цветок, боясь его повредить.

И тут она услышала шаги.

Не тяжёлые, не торопливые, а лёгкие, почти танцующие. Асенька подняла голову и увидела девушку примерно своего возраста — стройную, с тёмными волосами, заплетёнными в множество тонких косичек, и с глазами, в которых плясали искорки любопытства. На девушке было платье из той самой переливающейся ткани, а на ногах — ничего. Она шла босиком.

Асенька замерла. Впервые в жизни она видела кого-то, кто тоже не носил обуви. И это было так неожиданно, так радостно, что на мгновение у неё перехватило дыхание.

— Привет, — сказала девушка, останавливаясь напротив Асеньки и слегка наклоняя голову. — Ты новенькая? Я тебя раньше не видела.

Асенька хотела ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула и, не подумав, выпалила:

— Я люблю ходить босиком.

Девушка улыбнулась, и эта улыбка была такой тёплой, что Асеньке захотелось обнять её прямо сейчас.

— Я тоже, — ответила девушка. — Говорят, это странно,

но я чувствую, что так я ближе к городу. Будто он рассказывает мне свои секреты.

Асенька рассмеялась, и смех её прозвучал звонко, почти как колокольчик.

— Он и мне рассказывает! Только я не всегда понимаю, что он говорит. Иногда мне кажется, что я всё путаю.

Девушка присела рядом с ней, скрестив ноги, и тоже приложила ладони к плите.

— Может быть, он говорит на разных языках, — сказала она мягко. — И каждый слышит что-то своё. Это не значит, что ты путаешь. Это значит, что у тебя свой голос, и город отвечает тебе на нём.

Эти слова упали в душу Асеньки, как тёплые капли дождя на сухую землю. Она вдруг почувствовала, как внутри становится спокойнее, будто кто-то тихо погладил её по спине и сказал: «Ты не одна. Ты всё делаешь правильно».

— Меня зовут Лира, — представилась девушка.

— А меня — Асенька, — ответила Асенька, и впервые за долгое время ей не было стыдно произнести своё имя. Обыч-

но она говорила его быстро, почти проглатывая, будто боялась, что кто-то посмеется. Но сейчас она сказала его чётко, с гордостью, и имя прозвучало красиво, как мелодия.

Лира наклонила голову, прислушиваясь к чему-то, чего Асенька не слышала.

— Город сегодня поёт особенно громко, — проговорила она. — Ты чувствуешь? Это как будто струны натягиваются. Что-то должно произойти.

Асенька кивнула. Она чувствовала эту натянутую струну внутри себя — она звенела, вибрировала, требовала движения.

— Я пришла сюда через сундук, — неожиданно призналась она, сама не зная, почему решила рассказать об этом именно Лире. — Он стоит в подвале заброшенного дома на окраине. Он переносит во времени.

Лира не вздрогнула, не отшатнулась, не посмотрела на неё с недоверием. Она просто кивнула, будто это было самое обычное дело — путешествовать во времени в сундуке.

— Значит, ты хранительница ритма, — сказала она спокойно. — Те, кто слышит город, иногда могут его менять.

Или хотя бы немного направлять.

Асенька нахмурилась.

— Но я не хочу ничего менять. Я просто хочу слушать.

Лира мягко улыбнулась.

— Иногда, когда мы слушаем очень внимательно, мир сам хочет нам что-то подарить. Он делится своей силой. Но эта сила — как огонь: она может согреть, а может обжечь. Главное — помнить, кто ты есть, и не терять себя в этом шуме.

Слова Леры отозвались в Асеньке чем-то давно знакомым, будто она сама когда-то их придумала, а потом забыла. И теперь они вернулись, чтобы напомнить ей о самом важном.

Асенька опустила взгляд на свои ступни, на их изгибы, на маленькие шрамы и мозоли, на линии, которые складывались в причудливые узоры.

— Я иногда разговариваю со своими ногами, — призналась она тихо, почти шёпотом, будто боялась, что Лира рассмеётся. — Я благодарю их за то, что они такие чуткие. За то, что помогают мне слышать мир.

Ли́ра не рассмеялась. Вместо этого она наклонилась и провела ладонью по своей ступне, будто проверяя, всё ли с ней в порядке.

— Это хороший ритуал, — сказала она. — Любить то, что помогает тебе быть собой. Уважать свою силу, даже если она кажется странной.

Асенька почувствовала, как внутри неё что-то щёлкнуло, встало на место. Будто она наконец-то нашла подтверждение тому, что делала всё правильно. Её маленькие утренние ритуалы, её разговоры с отражением, её благодарности своим ногам — всё это было не глупостью, не чудачеством, а настоящей заботой о себе.

Они сидели так ещё какое-то время, прижавшись ладонями к тёплым плитам, слушая, как город поёт свою древнюю песню. И в этой песне не было тревоги, не было надрыва — только глубокая, спокойная мудрость, которая накапливалась годами, веками, тысячелетиями.

Но потом ритм изменился.

Струна, которая до этого звучала ровно и глубоко, вдруг задрезжала, будто её слишком сильно натянули. Вибрация

стала резкой, колючей, она царапала кожу и заставляла сжиматься сердце.

Лира подняла голову, её глаза потемнели.

— Что-то не так, — прошептала она. — Город встревожен.

Асенька тоже почувствовала это. Мир вокруг начал дрожать, как будто кто-то встряхнул его, словно старый ковёр. Плиты под ладонями стали холодными, перламутровый блеск померк, краски начали тускнеть, словно их смывало дождём.

— Мне нужно вернуться, — вдруг поняла Асенька. — Мой город сейчас дрожит так же. Может быть, это из-за меня. Может быть, я что-то нарушила.

Лира кивнула, будто знала это заранее.

— Иди, — сказала она мягко, но твёрдо. — Но помни: когда станет страшно, возвращайся к себе. К своим ритуалам. К словам, которые ты говоришь себе по утрам. Они — твоя опора. Они помогут тебе не потеряться.

Асенька вскочила на ноги, её сердце колотилось, но не от

страха, а от ощущения, что она должна что-то сделать, должна успеть.

— Спасибо, — выдохнула она, глядя на Лиру, которая уже начинала расплываться, словно отражение в потревоженной воде. — Спасибо, что не посмеялась. Спасибо, что поняла.

Лира улыбнулась, и её улыбка была как тёплый свет в сумерках.

— Мы все слышим мир по-разному, — сказала она, и голос её звучал уже издалека, будто ветер уносил слова. — Главное — не переставать слушать. И не переставать быть доброй к себе.

Мир снова потемнел, и на этот раз темнота была короткой. Она сомкнулась и тут же расступилась, оставив Асеньку стоять в сыром, холодном подвале заброшенного дома. Сундук стоял рядом, его дерево всё ещё подрагивало, но дрожь уже затихала, словно он выдохнул после долгого крика.

Асенька опустилась на пол, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Её руки дрожали, но не от холода — от переполнявших её чувств. Она вспомнила слова Леры и прошептала их вслух, будто примеряя на себя, как новое платье:

— Я слышу мир по-своему. И этого достаточно. Я буду добра к себе, даже когда всё идёт не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.